
ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)511-7

О. А. Козлова

ДВОРЯНСКАЯ СВАДЬБА В РОССИИ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII в.: ДОМОСТРОЕВСКИЕ КАНОНЫ И ЕВРОПЕЙСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Свадебный церемониал — важнейший из праздников жизненного цикла, во все времена бывший структурообразующим, определяющим быт, жизнь, повседневность и мужчин, и женщин. Изучения его, так или иначе, касались все ученые, которые обращались к анализу истории повседневности: историки, как Н. Л. Пушкарёва [26, 30, 33], этнографы — Т. С. Макашина [20], Т. А. Листова [19], культурологи — И. И. Шангина [28], О. Г. Щербинина [29]. Зарубежных исследователей также немало привлекали реалии свадебной обрядности рассматриваемого переломного времени, конца XVII — начала XVIII в., среди них Н. Бошковска [31], Д. Кайзер [12], В. Росслин [34], М. Ламарш-Маррезе [32] и другие. Поскольку переломные моменты в истории всегда вызывали интерес, изучение своеобразия того или иного общественного феномена, в числе которых и свадьба, — путь к пониманию противоречий и механизмов их «снятия», типических для переходных периодов. В данной статье речь пойдет о характерных особенностях свадебного обряда в дворянском сословии Петровской эпохи, о значимости замужества и его праздничного оформления для женщины того времени.

Трансформации свадебного обряда как область этнокультурной истории с точки зрения принятия/непринятия нового в структурах повседневности пока мало описаны, и наш анализ может внести вклад в изучение истории русской семьи и статуса женщин в рассматриваемое время. Верно ли предположение, что в Петровскую эпоху модельным типом изменений были именно дворянские свадьбы? Их проще изучить ввиду наличия значительного числа источников и того, что новшества на европейский лад Пётр I считал необходимым проводить именно в среде высших сословий.

Русская свадьба всегда изобиловала колоссальным количеством своеобразных символов, и даже внедрение в исконно русскую культуру европейских веяний практически не изменило эту тенденцию ее развития [30, с. 594—606], что было отмечено многими исследователями и сформулировано ими в том аспекте, что российская дворянская семья на заре Петровской эпохи являла собой синтез традиционных домостроевских обычаев, диктуемых стариной, и новомодных европейских обрядов, навязываемых проводимой реформой [2, с. 124—126]. Во многих исследованиях по истории свадеб подчеркивалось, что, несмотря на рвение Петра I искоренить исконные обычаи русской старины, это удалось ему частично, поскольку некоторые каноны повседневности попросту слились с проводимой «западной» реформой, обретя совершенно иную ипостась [19, с. 103; 20, с. 479]. Хотя в работах Т. А. Листовой и Т. С. Макашиной дается подробное описание свадебной обрядности, учитывающей религиозные и этнические традиционные обычаи, в большинстве случаев они описывают обрядность, характерную для простонародья, не давая глубокого всестороннего анализа свадебной обрядности дворянской верхушки. В исследованиях указанных авторов не наблюдается изучение повседневности, которая, в отличие от быта, не только обряд, но и переживания, чувства людей, восприятие ими исторических событий, свидетелями и участниками которых они стали.

История изучения русской свадьбы имеет солидную двухвековую традицию. Вопросу русской дворянской повседневности во времена Петра Великого уделяли большое внимание как отечественные, так и зарубежные авторы. Вообще, отечественную историографию указанной проблемы можно разделить на три этапа. Среди дореволюционных историков следует отметить В. О. Михневича [21, с. 35—72, 138—173], Н. И. Костомарова [16, с. 119—126], И. Е. Забелина [10, с. 889—901]. В. О. Михневич в своей работе дает пошаговое описание дворянской свадьбы в России, но анализ этот проводит исключительно с точки зрения европейских традиций. Авторы, описывая общую картину повседневности, в результате чего была всесторонне рассмотрена материально-вещественная сторона жизни русского общества, анализируют тот комплекс изменений, который произошел в нем в ходе Петровской реформы культуры и быта, но не заостряют внимание на сочетании исконных традиций и нововведений в процессе свадебного обряда. Дореволюционная историография по вопросу представляет собой комплекс историко-бытовых очерков, исследований этнографического характера и источниковедческих работ, созданных на основе мемуаристики и частной переписки. Все исследования, безусловно, важны и необходимы в аспекте изучения истории петровского времени как в этнологическом, так и в культурном плане, но среди них нет работ, посвященных новым интерпретациям сферы женской истории, где бы делался особый акцент на описание переживаний и чувств дворянских женщин.

В советской историографии начиная с 1970-х гг. преобладают исследования этнографического характера (до того научная проблематика была сосредоточена на исследованиях сословно-экономического и политического характера). Особняком стоят работы литературоведов и культурологов, в особенности Ю. М. Лотмана. В своей классической работе «Беседы о русской культуре XVIII — начала XIX в.» он дал прекрасную этнографическую и культурно-

антропологическую характеристику бытовой сферы российского общества, его новаторство заключается в выделении и трактовании скрытой прежде символики, позволявшей характеризовать стереотипы поведения знати того времени. Но работ, посвященных только вышеуказанному вопросу, в исследованиях советских авторов нет.

В современной историографии новым ракурсом изучения темы стали гендерные исследования, ставящие во главу угла тему социальных и семейных иерархий, порождаемых принадлежностью к своему полу. Несмотря на то что в них дается подробная картина свадебных обрядов конца XVII — начала XVIII в., нет работ, посвященных синтезу старорусских и европейских обычаев в процедуре дворянской свадьбы Петровской эпохи. Значительный научный интерес в отношении свадебных обрядов привилегированных сословий конца XVII в. представляют работы Э. Ваталы, А. Кулагиной, О. Щербининой, которые поэтапно характеризуют свадебную церемонию с точки зрения основных канонов Домостроя и используют при этом значительный источниковый аппарат. Собственно XVIII в. подробнее представлен у Н. Л. Пушкарёвой [26, с. 148—173], И. И. Шангиной [28, с. 253—352], хотя исследование последней носит более углубленный этнографо-антропологический характер и описывает российское общество в целом, в особенности повседневность непривилегированных сословий.

Мы постараемся понять, как именно возник синтез старорусских традиций и европейских нововведений в процессе свадебного ритуала в дворянских семьях, как воспринималось это слияние дворянством, и оценить, сколь велика была роль в этом власти. Данной теме было посвящено диссертационное исследование Е. В. Алексеевой [1, с. 34—35; 2, с. 455—459] на соискание ученой степени доктора исторических наук, но свадьбе в нем внимания уделено не было. Е. С. Анпилогова [3, 4] описывает повседневность женщин русского дворянского сословия Петровской эпохи, но ее научный интерес более проявляется в политологическом подтексте. Мы намерены не только показать повседневность русских дворянок с точки зрения этноэтической, но и описать сферу чувствований и переживаний русских женщин высших сословий.

Нами рассмотрены такие виды источников, как русская мемуаристика [8], сборники житейских предписаний и поучений [9, с. 21—168; 13, с. 12—135; 27], сочинения этнографо-исторического характера [17, 30, с. 552—641], воспоминания иностранцев [7], чаще всего оформленные в виде путевых записок или дневников, и архивные данные [23]. Несмотря на то что «Описание о браке» цесаревны Анны Петровны датировано 1725 г., мы привлекли и его, полагая, что свадебная церемония цесаревны была итогом слияния старорусских и европейских традиций в свадебном обряде и может рассматриваться в качестве образца.

В XVII—XVIII вв. (как и ранее) любое свадебное предприятие начиналось со сватовства [19, с. 101]. В Московии конца XVII в. процессом руководили родители жениха или невесты, которые иногда привлекали свах [20, с. 511].

С начала XVIII в., чуть ранее 1718 г., дворянские девушки уже не «затворялись» дома, как требовалось до того, а выходили в свет, участвовали в придворной жизни, где и знакомились с потенциальными кавалерами [6, с. 308; 21, с. 148]: «...обыкновенно всегда, где слышат невесту богатую, тут и женихи

льстятся...» [8, с. 44]. По воспоминаниям Н. Б. Долгорукой (одной из первых представительниц пореформенного постпетровского общества, чье мнение, безусловно, ценно для исследования повседневности знатных дворянок, особенно сферы их чувств и переживаний), ставшей в детстве свидетельницей синтеза старорусских и европейских традиций, только ранняя смерть матери отвратила ее от светского общества на два года: «...я после матери моей всех компаний лишилась <...> вздумала я себя сохранять от излишнего гулянья <...> И так я сама себя заключила <...> в свете очень примечали поступки знатных или молодых девушек...» [8, с. 43]. Молодые дворяне уже не ждали услуг свахи: посвататься к понравившейся девушке они могли как самостоятельно, так и с помощью родителей. Порой сам Пётр I, желая заключения того или иного брака, выступал сватом, тогда свадьбу играли скорее — в целях разрешения политических амбиций и надежд государя.

Вопрос приданого в этом случае оставался неизменным и с позиций домостроевских времен, и с позиций европейских нововведений. Девушка не просто входила в дом и семью мужа, она обязана была доказать свой статус и значимость в семье первоначально в таком важном материальном аспекте, как приданое. Европа оказала серьезное влияние на вопрос о значении и обязательности приданого: дворяне, перед принятием в семью невестки, требовали ознакомления с описью приданого имущества, где указывалось все, вплоть до носовых платков и пуговиц. Заметим, что подобные описи имели место еще в допетровской Московии и были важным документальным подтверждением пополнения бюджета семьи приданным имуществом. Окончательно общие принципы составления описей приданого были закреплены уже при Елизавете Петровне.

Между сватовством и свадьбой в России конца XVII — начала XVIII в. в обоих случаях проходило не слишком продолжительное время. Разница состояла в том, что домостроевские каноны диктовали девушке по-прежнему находиться дома, в своей светлице, не встречаясь с нареченным, а дух европейских традиций обязывал будущих супругов постоянно встречаться, жених должен был наносить визиты в дом невесты, и так продолжалось вплоть до свадебной церемонии [34, р. 57]. У подобных встреч находилось немало противников с патриархальными взглядами в высшем обществе, но авторитет и воля Петра, не желающего мириться с предрассудками, сдерживали их критические отзывы. В. О. Михневич подчеркивал, что моралисты того времени высказывались в том смысле, что любовь в Петровскую эпоху была «грубой» и «животной» [21, с. 146], но идеал высокой и нравственной любви в обществе существовал. Нельзя утверждать, что нравственность юных дворянок петровского времени была «сомнительной», «показной». Ни один мужчина не мог приблизиться к девушке без одобрения ее родителей или опекунов, согласие на брак давала и ее семья. Несмотря на «свободу нравов», царящую в пореформенном обществе, девушки могли испытывать глубокую привязанность к женихам и, в случае замужества по любви, создавали удачные долговечные союзы, подтверждение чему можно найти в частной переписке того времени. Многие женщины, верные своим чувствам к одному человеку, принадлежали к двум мирам: старому — дореформенному и новому — петровскому.

Сам процесс сватовства, в корне отличавшийся от дореформенного, на поминал в определенной степени ритуал, многократно повторявшийся как в дворянских, так и в купеческих и мещанских семьях: жених просил руки девушки, ее родители медлили с ответом, он приезжал в ее дом, виделся с ней для того, чтобы узнать, «какое понятие она о нем имеет», и в этот момент их заставляли родители, которые уже решили выдать дочь замуж за ее ухажера, они давали официальное согласие, и вскоре играли свадьбу — в этом проявлялась не только дань традициям старины, щадящим скромность невесты, но и европейское нововведение в сфере культуры, проявляющееся в «высшей степени благовоспитанности и такта» родителей девушки и ее жениха. В этом смысле показателен случай сватовства Дмитрия Янькова к своей избраннице Елизавете. Ее отец три раза не соглашался на предложение жениха, в четвертый уступил и спросил мнение дочери. Она ответила: «Ежели вы, батюшка, изволили согласиться, то я не стану противиться, соглашаюсь и я» [5, с. 5—6; 15, с. 1—2]. Однако следует учитывать тот факт, что нередко подобные отказы носили условный характер и выступали своеобразным средством соблюдения приличий. Родители даже в пореформенном обществе играли ведущую роль в заключении брачных союзов своих отпрысков, потому брак, заключенный без родительского благословения, считался законным лишь условно и не принимался в свете [18, с. 105; 19, с. 102]. В этом сказывается как наследие основных воззрений домостроевских времен [9, с. 16—18, 29—35, 97—101; 14, с. 1—2], так и новомодный европейский уклад, повлиявший на православную трактовку. В связи с этим к жениху и невесте предъявлялись соответствующие требования: жених должен быть родовит, имущественно состоятелен, нравственно добродетелен, образован и занят на службе, а невеста — внешне привлекательна, с хорошими манерами, сердечной добротой и состоятельна [15, с. 1]. Разумеется, возраст будущих супругов чаще всего соответствовал царящим в обществе социальным воззрениям, и разница «в годах» у пары, вступающей в брак впервые, не превышала 5—7 лет [12, с. 232].

Дворянские свадьбы в уже постпетровской России игрались по европейскому образцу, примером чему может служить «Описание о браке между Ее Высочеством Анной Петровной, цесаревной Всероссийскою, и его королевским Высочеством Карлом-Фридрихом, герцогом Голштейн-Готторпским» [23, л. 1—4], что является своеобразным венцом и идеалом реформирования свадебной обрядности на европейский лад и, безусловно, выступает наследием эпохи Петра в культурно-этической сфере.

Однако некоторые черты свадебных ритуалов домостроевских времен можно было усмотреть и здесь. Например, новобрачная была окружена накануне венчания придворными дамами — представительницами виднейших знатных семей [23, л. 3]. Отношение к многочисленным свадебным чинам [17, с. 164—172; 27, с. 152], которые играли едва ли не доминирующую роль в проведении свадебного ритуала, упростилось, но их роль не исчезла: в дворянских свадьбах по европейскому образцу в свадебной церемонии главенствовали «маршал» и «шафера», выбиравшиеся из самых почетных гостей, которые встречали молодых дома по приезде с венчания, обносили их водкой и провозглашали самые первые тосты в честь их здоровья и благополучия. По-

добные «встречи» молодых носили не европейский, а старорусский, традиционный характер, европейским же новшеством стало то, что женщина отныне воспринималась иначе, поскольку совершенствование просвещенности общества сыграло роль в эволюции женского образа в общественном восприятии. Принятое отношение к женщине как к рабе и слуге своего мужа изменилось. Получили развитие ее права и привилегии, благодаря чему стало эволюционировать в позитивную сторону и чувственное восприятие дворянками своего статуса в обществе, следовательно, приглашенными на свадьбу она могла уже восприниматься как хозяйка дома и семьи, если не равная еще мужу, то хотя бы не зависимая от него полностью в своей жизни и смерти, как ранее, потому и приветствовалась она «маршалом» и «шаферами» соответствующим образом [34, р. 82].

Кроме того, наследие домостроевских времен можно усмотреть в том, что столы, за которыми восседали гости, делились по половому признаку: отдельно для мужчин, и отдельно для дам. Лишь иногда стол для гостей бывал смешанным.

Молодожены участвовали в обеде (что было запрещено ранее) и в танцах. Бал заканчивался вечером проводами молодых — опять же традиционно.

Невинность невесты уже не имела столь приоритетного значения, как раньше, когда в случае добрачной ее утраты семья девушки и она сама предавались позору (влияние Домостроя), но она была желательным и важным аспектом в момент заключения брака. Нецеломудренной невеста могла быть, если вступала в брак повторно или вела до замужества «распутную жизнь», чем в большинстве случаев могли отличаться придворные фрейлины. Жених прощал нареченную за этот грех, если его устраивало материальное положение или статус, приобретаемый им с женитьбой, или же роль здесь играла любовь с его стороны, благодаря которой союз пары и сохранялся. В источниках приводится пример: один дворянин незнатного происхождения и небогатого рода, женился на близкой родственнице князя, приближенного к правящей верхушке и принадлежавшего к «старой знати», придворной даме, известной богатым интимным прошлым, делился с приятелями своими соображениями: «...а что мне с того, что она б..., собой она ладна, да и рода хорошего, а я по природе смирен и не горд <...> уживемся...» [13, с. 114].

На второй день после свадьбы пир возобновлялся в обычном порядке (многодневность свадебных торжеств является чертой старины, а не европейским веянием [32, р. 43]), только новобрачный пересаживался за женский стол, перед этим сорвав висевший над головой жены венок, символизирующий ее девичество. Об этом говорится и в работе В. О. Михневича, утверждавшего, что подобный ритуал носил в дворянской среде повсеместный характер [21, с. 64], и в исторических документах того времени, полно описывающих подобный эпизод свадебного дворянского обряда: «...когда после первой брачной ночи молодые выходят к гостям, жених пересаживается за дамский стол к невесте, но перед этим <...> он, к вящему восторгу гостей, взбирается прямо на стол и срывает подвешенный над головой невесты венок из цветов, который, как символ целомудренности оной, висел над ее головою во время свадебной церемонии всего первого дня...» [22, с. 196; 24, с. 42; 25, с. 63; 31, S. 76]. Из прежних канонов сохранился обычай, когда молодой муж благодарил родите-

лей жены за дочь и желал им долголетия, здоровья и благополучия: «Свет-батюшка, сударыня-матушка, здравствуйте на многие лета и благодарствуйте, родимые, за дочь покорную, жену мою верную, молитесь за нас, грешных, о доме богатом и чадах благих...» [18, с. 104; 29, с. 99; 31, S. 58]. Существенным различием между традициями домостроевской Московии и пореформенной России стало то, что в последующие дни молодые супруги, ранее вообще не устраивавшие брачных торжеств после двух дней свадьбы, принимали родственников в своем доме и наносили визиты в дома родных и друзей, где в их честь давались обеды и балы [21, с. 69; 33, р. 125].

Общеввропейская традиция одаривать новобрачную деньгами и дорогими вещами, прочно укоренившаяся в традиционной обрядности России, сохранилась в неизменном виде. Одаривали все, кто сколько мог, в основном родственники; причем подарки бывали необычайно ценные, что, разумеется, говорило о принадлежности к высшим сословиям. Происходило это сразу же после обручения или после свадьбы, и дарили преимущественно ювелирные вещицы или же всякую галантерею [8, с. 54; 21, с. 153].

После торжеств у молодоженов начиналась семейная жизнь, в силу проведенных Петром I реформ изменившаяся, непохожая на ту, что вели их предки в Московии XVII в., но это уже не является предметом исследования.

Итак, можно утверждать, что именно синтез домостроевских традиций и европейских нововведений: изменения в сфере социальных воззрений, сочетающие в себе европейские новшества, слившиеся с традиционными общественными убеждениями допетровской Московии; культурно-этнический пласт преобразований, касающихся эмансипации дворянских женщин и степени их социализации в реформирующемся обществе, изменения их внешнего облика на европейский манер, совершенствования образованности и просвещенности, в том числе и в женской среде; наконец, реформирование повседневного восприятия дворянскими женщинами своего положения в обществе — явился самым приемлемым вариантом для обеспечения жизненных перипетий в раннепетровской России, и свадебного обряда в том числе. Российское общество конца XVII — начала XVIII в. не могло окончательно отрешиться от многовекового нравственного наследия Домостроя, завещанного предками, потому было способно воспринять лишь некоторые нюансы изменений, которые были им навязаны властью, и немного модернизировать навязываемые европейские новшества в свою пользу.

Слияние двух видов традиций, двух миров — старого и нового — дворянством частично воспринималось как нечто неизбежное, частично вызывало этический протест, немедленно подавляемый правящей верхушкой, проводящей в жизнь европейский образец. Однако некоторые исследователи увидели в этом не столько негативные моменты, выражающиеся в разрушении многовековых самобытных традиций, сколько положительное влияние европейских порядков на общество в целом и на женскую личность, что особенно проявилось у женщин высших сословий. Примером тому может послужить высказывание В. С. Иконникова: «...русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, так изменилась к лучшему, что теперь мало уступает немкам и француженкам в тонкости обращения и светскости, а иногда, в некоторых отноше-

ниях, даже имеет перед ними преимущество...» [11, с. 70]. Личность русской женщины, ее переживания и чувства, которые ранее были безразличны окружающему обществу и претерпели не менее серьезные изменения в связи с новыми порядками, навязываемыми реформой, повлияли на ее поведение в светской жизни и создали тот уникальный, непохожий на европейский — в отношении повседневности — образ русской дворянки, которая вела себя в обществе как утонченная европейская дама, но в быту чаще всего оставалась верной патриархальным воззрениям допетровской Московии.

Дворянство вынужденно или охотно участвовало в европейских новшествах, введенных Петром Великим, в полном объеме, поскольку само реформирование общества было предпринято государем «сверху», т. е. в среде высшего сословия. Роль власти в процессе реформирования общества была заглавной, а в таком частном случае, как дворянская свадьба, власть играла роль важную, если не сказать доминирующую, ведь без проведения политической линии Петра невозможно было бы введение европейской моды. В данном случае *мода* стала носителем этических ценностей, неоспоримо проявившихся в повышении культурного уровня русских дворянок, развитии их образованности и степени их социализации. Домостроевский «*терем*» как воспоминание старины, «как отрицание самых жизненных начал — общественной и личной жизни, не мог более держаться, когда кругом него были уже явления иной жизни и когда в нем самом показались признаки вопиющего разложения...» [11, с. 48]. *Наследие старины* проявилось в морально-нравственном развитии женской личности, что представляется наиболее важным для реформируемого общества в любое время, поскольку женщина, как жена и мать, является той опорой семьи, благодаря которой воспитывается новое поколение, и только от личностного ее развития зависит то, каким это поколение станет. Но в любом случае именно Петровская эпоха показала наглядно, что этический носитель *моды*, диктуемой проводимой Петром Великим реформой, и нравственное, прочно укоренившееся в сознании общества *наследие старины* уже неразделимы и не могут существовать отдельно друг от друга, поскольку являются выражением той потребности переживаний и чувств русской дворянки, без которых развитие ее как личности невозможно. Частный случай свадебного обряда лишь начинает этот процесс социализации и совершенствования чувственно-повседневной стороны жизни дворянства Петровской эпохи, но влияние на статус дворянской женщины он имеет немаловажное, потому и нуждается в рассмотрении с точки зрения не только этнической, но и нравственной. Насколько существенными были изменения в свадебном обряде для дальнейшей семейной жизни супругов, стала ли она легче и проще после петровских нововведений — вопрос дискуссионный. В данной статье мы ставили целью изучить другое — степень влияния европейских новаций на одну из наиболее консервативных сторон русской частной жизни, а именно на свадебный обряд, с которого брала начало социальная ячейка общества — семья, чье развитие в эпоху петровских преобразований представляется ведущим двигателем нравственного развития общества.

В современном российском обществе проблемы нравственности, патриотизма, уважения к историческому прошлому весьма актуальны, что объясняет и интерес к этносоциальным и этнокультурным особенностям нашего народа, формировавшимся на протяжении столетий. Современное российское общество, пережив ряд реформ, затронувших, помимо политических и экономических областей, и область этическую, в известном смысле схоже с российским обществом конца XVII — начала XVIII в., когда социум переживал этап, связанный с попытками Петра I европеизировать страну. Черпая опыт из исторического знания, возможно провести качественные преобразования в обществе современном.

Библиографический список

1. *Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 52 с.
2. *Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 556 с.
3. *Анпилогова Е. С.* Публичная жизнь женщин высших сословий на рубеже XVII—XVIII веков // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 6. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/6/Anpilogova/> (дата обращения: 29.11.2010).
4. *Анпилогова Е. С.* Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII—XVIII веков // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 92. 27 марта. URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/anpilogova_92_45_48.pdf (дата обращения: 27.03.2010).
5. Брачно-семейное право в России XV—XVIII вв. // Образоват. портал. 3 мая. URL: <http://education.prompter.ru/828.html> (дата обращения: 03.05.2010).
6. *Ватала Э.* Любовные утехы русских цариц. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 590 с.
7. *Вебер Ф.* Записки о Петре Великом // Русский архив. 1872. 18 июля. URL: <http://bibliotekar.ru/reprint-44/index.htm> (дата обращения: 18.07.2008).
8. *Долгорукая Н. Б.* Своеручные записки // Записки русских женщин XVIII — первой половины XIX века / сост. Г. Н. Моисеева. М. : Современник, 1990. С. 41—66.
9. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова; подгот. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова, М. В. Пименовой. М. : Сов. Россия, 1990. 304 с.
10. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М. : АСТ : АСТ Москва : Транзиткнига, 2005. 1129 с.
11. *Иконников В. С.* Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нея. Киев : Унив. тип., 1874. 495 с.
12. *Кайзер Д.* Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // Сословия и государственная власть в России, XV — середина XIX в. : тез. докл. Междунар. конф.-чтений памяти акад. Л. В. Черепнина. М. : 1994. Ч. 2. С. 225—237.
13. Как жену учить, как себя лечить, как судьбу узнать. СПб. : Авалонь : Азбука-классика, 2008. 304 с.
14. *Корогодина М. В.* «Или мучивал жену напрасно, а не по закону?..» // Человек. 2003. № 6. 11 июля. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/BAVA/BAVA.HTM> (дата обращения: 11.07.2008).
15. *Короткова М. В.* «Родство — священная вещь»: православные традиции и европейские новшества в московских дворянских семьях XVIII — начала XIX в. //

- Слово : православ. образоват. портал. 30 апр. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/39053.php?PRINT=Y> (дата обращения: 30.04.2010).
16. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск : Русич, 2003. С. 3—278.
 17. *Котошихин Г.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI—XVII веков : сб. / сост. Ю. А. Лабынцев. М. : Сов. Россия, 1984. С. 162—315. (Сокровища древнерус. лит.).
 18. *Кулагина А.* «Привыкай, душа Марьюшка...»: свадьбы в Московии // Родина. 1997. № 11. С. 103—106.
 19. *Листова Т. А.* Благословение на брак // Родина. 1997. № 5. С. 100—104.
 20. *Макашина Т. С.* Свадебный обряд // Русский Север. Этническая история и народная культура, XII—XX века. М. : Наука, 2001. С. 473—574.
 21. *Михневич В. О.* Русская женщина XVIII столетия. М. : Панорама, 1990. 404 с. Репринт. изд. 1895 г.
 22. Обычаи и обряды русского народа. От крестин до поминок / сост. И. А. Панкеев. М. : Олимп : Астрель : АСТ, 2008. 539 с.
 23. Описание о браке между Ее Высочеством Анной Петровной, цесаревной Всероссийскою, и его королевским Высочеством Карлом-Фридрихом, герцогом Голштейн-Готторпским // РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1—4.
 24. *Пономарёва В. В., Хорошилова Л. Б.* Мир русской женщины. Воспитание, образование, судьба, XVIII — начало XX века. М. : Рус. слово, 2006. 320 с.
 25. *Пономарёва В. В., Хорошилова Л. Б.* Мир русской женщины. Семья, профессия, домашний уклад, XVIII — начало XX века. М. : Рус. хронограф, 2009. 352 с.
 26. *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М. : Наука, 1997. 289 с.
 27. Чин свадебный // РГБ. Ф. 205. № 340. Л. 145—171. (Подгот. текста, перевод и коммент. В. В. Колесова). Цит. по: Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. 16 окт. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5146> (дата обращения: 16.10.2008).
 28. *Шангина И. И.* Русские девушки. СПб. : Азбука-классика, 2007. 352 с.
 29. *Щербинина О.* Тайны брака. В зеркале обряда // Родина. 1997. № 5. С. 98—100.
 30. Эротика в русской литературе. «А се грехи злые, смертные...»: русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века : в 3 т. / сост. Н. Л. Пушкарёва, Л. В. Бессмертных. М. : Ладомир, 2004. Т. 1. 746 с.
 31. *Boskovska N.* Die russische Frau im 17 Jahrhundert. Koln ; Weimar ; Wien : Bohlau, 1998. 498 S.
 32. *Lamarche Marrese M.* A Women's Kingdom : Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700—1861. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2002. 280 p.
 33. *Pushkareva N. L.* Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. Armonk (N. Y.) : M. E. Sharpe, 1997. 265 p.
 34. *Rossllyn W.* Women and Gender in 18th Century Russia. Nottingham : Ashgate, 2003. 284 p.